

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2024.83-636572

А.Л. Федорин

Реформы правителя Дайвьета Чинь Кьонга и их негативные последствия

Аннотация. Тюа Чинь Кьонга, фактического правителя Северного Вьетнама в начале XVIII в., в историографии принято считать активным реформатором, стремившимся навести порядок во вьетнамском обществе, добиться его стабильности и устойчивого развития. Всю же вину за последовавшие затем ожесточённые гражданские войны принято сваливать на его преемника тюа Чинь Зянга (прав. в 1730—1740 гг.), который отошёл от линии своего отца и перестал заниматься социально-экономическими вопросами. В статье на основе данных первоис-точников содержится предметный анализ реформ, проведённых Чинь Кьонгом, и доказывается, что по существу именно они стали одной из причин масштабного и долгосрочного социального кризиса в стране в середине XVIII в., которые едва не привёл к падению режима дома Чинь.

Ключевые слова: история Вьетнама в новое время, Чинь Кьонг, экономические реформы, система налогообложения, ситуация в деревне.

Автор: Федорин Андрей Львович, д. и. н., в. н. с., Центр изучения культуры Китая, ИКСА РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Для цитирования: Федорин А.Л. Реформы правителя Дайвьета Чинь Кьонга и их негативные последствия // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 3. С. 45—56.

A.L. Fedorin

The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cuong and Their Negative Consequences

Abstract. Chua Trinh Cuong, the de facto ruler of Northern Vietnam at the beginning of the 18th century, is considered in historiography to be an active reformer who sought to establish order in Vietnamese society, achieve its stability and sustainable development. All the blame for the subsequent brutal civil wars is usually placed on his successor, Chua Trinh Giang (ruled 1730—1740), who departed from his father's line and stopped dealing with socio-economic issues. The article, based on primary sources, contains a substantive analysis of the reforms carried out by Chinh Cuong, and proves that in essence they became one of the reasons for the large-scale and long-term social crisis in the country in the middle of the 18th century, which almost led to the fall of the Trinh regime.

Keywords: history of Vietnam in modern times, Trinh Cuong, economic reforms, tax system, situation in the village.

Author: Fedorin, Andrey L., D.Sc. (History), Leading Researcher, Chinese Culture Research Center, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

For citation: Fedorin, A.L. (2024) The Reforms of the Ruler of Dai Viet Trinh Cuong and Their Negative Consequences. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (3): 45—56.

Введение

Правителя-*тьюа* Дайвьета Чинь Кыонга (прав. в 1709—1730) наряду с императором Ле Тхань-тонгом (прав. в 1460—1497) и императором *Минь-мангом* (прав. в 1819—1841) можно отнести к трём государям-реформаторам, которые чрезвычайно ответственно относились к возложенной на них миссии и всю свою жизнь посвятили преобразованиям с целью создать идеальное общество, где все будут счастливы и довольны. Ни одного из них нельзя упрекнуть ни в безволии, ни в корысти, ни в небрежении своими обязанностями. Всем троим страна досталась в состоянии экономического подъёма, все они правили в редкие относительно мирные периоды её существования, когда мало что мешало реализации их планов. Власть их была абсолютной, так что принимать свои решения они могли, ни с кем не считаясь. Никто из них лично так и не увидел реальных негативных последствий своего целенаправленного и всестороннего вмешательства в экономическую и политическую жизнь страны из лучших побуждений (вот уж действительно — благими намерениями вымощена дорога в ад!), но правление каждого из них, казалось бы парадоксально, вскоре после их кончины приводило к тяжелейшим для Вьетнама последствиям: падение династии Ле Шо (1428—1527) у Ле Тхань-тонга, ожесточенные гражданские войны на протяжении десятилетий у Чинь Кыонга и французское завоевание и утрата Вьетнамом суверенитета у *Минь-манга*.

Почему же так складывалось? Что касается императора Ле Тхань-тонга, то автор свою версию происходивших в годы его правления изменений и их последствий уже изложил ранее [Полное собрание... 2002—2022, т. 6: 12—40]. Попробуем предпринять то же самое и в отношении Чинь Кыонга.

Для начала следует отметить, что активные социально-экономические реформы этого правителя до сих пор не стали предметом специальных глубоких исследований ни во Вьетнаме, ни за рубежом. Во всяком случае автору такие работы не известны. Между тем в обобщающих монографиях их оценка как прогрессивных и своевременных мероприятий, направленных на преодоление многочисленных сложностей, возникших в конце XVII — начале XVIII в. во вьетнамском обществе и экономике, издавна является общим местом и не подвергается сомнению. При этом Чинь Кыонга часто противопоставляют его «пассивному и равнодушному» предшественнику Чинь Кану, который якобы и завёл страну в тупик. В качестве примера можно привести материалы посвящённой этому правителю специальной конференции 2010 г. [Chúa Trịnh Cuong 2010] или написанный Д.В. Деопиком раздел в «Новой истории Вьетнама» [Новая история... 1980: 44—59].

Чинь Кыонг (09.07.1686—08.01.1730) был правнуком своего предшественника *тьюа* Чинь Кана (прав. в 1682—1709 гг.), внуком его старшего сына Чинь Виня, вторым сыном его старшего внука Чинь Биня. Это был четвертый официально назначенный Чинь Каном наследник, получивший это место в 1704 г. в возрасте 18 лет после поочередной смерти трёх своих предшественников, включая родного деда и отца. Произошло это назначение благодаря активному содействию его учителей и покровителей Данг Динь Тыонга (1649—1735) и Нгуен Куи Дыка (1648—1720), занимавших в те годы высшие посты в государственном аппарате страны и настоявших на этом выборе. К власти он пришёл после смерти прадеда в 1709 г. уже вполне зрелым (23 года) мужчиной и, судя по всему, был вполне самостоятелен в планировании и принятии своих решений, хотя его высокопоставленные покровители продолжали оставаться при нём, находясь на высоких должностях. Что же так не понравилось Чинь Кыонгу в обществе принятой им в управление страны? Что заставило его пойти на радикальные изменения, в короткие сроки буквально взорвавшие весь Дайвьет, вполне себе спокойно существовавший при его предшественнике? Зачем этот вполне разумный, хорошо образованный и в целом прозорливый человек пошел на всё это, не считаясь с рисками?

Сущность реформ Чинь Кыонга

Всё дело в том, что помимо вполне очевидных положительных результатов, которые принесло для страны постоянное налогообложение и другие нововведения времен Чинь Кана в виде стремительного экономического роста и устойчивого высокого уровня благосостояния существенной части населения (об этом см. [Рябинин 2022, Федорин 2023]), в обществе стали назревать проблемы совсем иного характера, связанные с этими реформами. Практически полный отказ государства от вмешательства во внутренние дела общин запустил в них стремительные процессы разложения и трансформации. Пользуясь своими позициями, богатые семьи стали концентрировать в своих руках существенную часть подконтрольных общине земель, неважно, к какой категории (общинные, частные, храмовые и т. д.) они относились. Будучи не в состоянии обрабатывать крупные наделы силами лишь своей семьи, они создавали на их основе поместья, используя в них труд беглых крестьян из других общин, которые, помимо прочего, таким образом уходили от уплаты подушного налога и всех остальных сборов. В результате оказывалось, что материальное положение батраков было существенно лучше, а защищённость — существенно выше, чем у независимых общинников, продолжавших тянуть свою лямку.

Быстрый рост населения создавал в деревнях его существенную избыточную массу, и если раньше был вполне надёжный клапан, позволяющий снимать излишнее демографическое давление (знаменитый «поход на юг» вьетнамского народа), то в конце XVII — начале XVIII в. он был перекрыт в связи с открытой враждой между северными (Чини) и южными (Нгуены) районами: граница усилиями как северян, так и южан была перекрыта, и массовая миграция на юг оказалась невозможной. Выделяемые в рамках общин её рядовым членам зе-

мельные паи становились всё меньше. До голода в обычные годы пока не доходило, но любой неурожай грозил обернуться катастрофой и зачастую ею и оборачивался. Дело в том, что Вьетнам в связи со сложными климатическими условиями в целом был зоной рискованного земледелия. Данное обстоятельство компенсировалось высокопродуктивным заливным рисоводством, которое позволяло в благоприятный сезон собрать урожай, которого хватало на два—три года, чтобы в будущем пережить любые неблагоприятные климатические и иные аномалии. Но при наличии избыточного населения излишек зерна был много меньше, что и приводило к негативным последствиям. Рост населения нёс и вполне очевидные социальные угрозы. В деревне появилось большое число вполне здоровых, активных и работоспособных мужчин, которым нечем было себя занять и которые не видели для себя каких-то жизненных перспектив. При этом они не являлись люмпенами или изгоями и были готовы ради получения каких-то новых возможностей на многое (в дальнейшем именно они, а не обездоленные голодающие и составили социальную базу повстанческих армий в ходе массовых мятежей в 30—50-е годы XVIII в.). Все эти потенциальные угрозы пока ещё носили скрытый характер и активно сдерживались всем довольной общинной верхушкой, но для многих (в том числе, видимо, и для Чинь Кьонга) состояние «закупоренного кипящего котла», готового вот-вот взорваться, в которое постепенно впадало вьетнамское общество, было очевидным.

Чинь Кьонг явно действовал по чёткому плану. Его шаги были жёсткими и последовательными. Указы издавались один за другим, иногда сразу по нескольку даже не в один месяц, а в один день. Первой жертвой его реформ как раз и стали пресловутые частные поместья, использовавшие труд батраков из числа беглых крестьян, которые были умело замаскированы в рамках отдельных общин. Уже через два года после прихода к власти нового правителя (1711 г.) было предложено в трёхмесячный срок их все ликвидировать под страхом крупных штрафов для владельцев и уголовного преследования для управляющих. При этом из текста указа [Ngô Cao Lãng 1995: 169] явно следовало, что фактическими собственниками названных поместий в большинстве своём были высокопоставленные гражданские чиновники, поскольку именно они должны были платить самые большие штрафы.

В том же году были предприняты первые шаги по ликвидации постоянного налогообложения. В соответствии с указом отныне вновь вводились обязательное перераспределение общинных земель (один раз в шесть лет) и пересчёт податных не силами представителей общинной верхушки, а государственными чиновниками, отвечающими за сбор налогов, или чиновниками, которым налоги с общин передавались в качестве жалованья. Соответствующие реестры должны были подаваться в государственные учреждения. Контроль за справедливым распределением земельных паёв, а также соблюдением всех норм и привилегий также изымался из ведения общины. Исключалась практика передачи за деньги другим общинникам права обрабатывать чьи-то участки общинной земли. Если это происходило на основании ещё действующих договоров, то они прекращались с выплатой пострадавшей стороне в целом мизерной компенсации (2 *куана* за 1 *мау* земли). Важно отметить, что в земельный реестр требовали внести все земли,

включая частные, хотя налог на них по-прежнему пока не ввели. Этим явно создавали условия для их возможного налогообложения в будущем. Предусматривалась возможность для частичного пересмотра результатов распределения земли в промежутках между генеральными переделами, проводимыми один раз в шесть лет, чтобы учитывать естественную убыль общинников и достижение молодежью положенного возраста. Привлечение государственных чиновников к переделам земли и учёту населения порождало новые расходы общины, связанные с необходимостью содержать их во время соответствующих командировок и выплачивать им вознаграждение [Там же: 170—175¹].

В 1712 г. подготовка к проведению реформ была продолжена: Министерству финансов было предложено в кратчайшие сроки создать полный реестр населения и всех сельскохозяйственных земель страны по категориям в каждом из уездов каждой провинции и представить полученные сведения двору [179]. Уже в следующем году эта работа была завершена [190].

Государство получило полную информацию о населении и земельных угодьях всей страны, которая ранее в условиях постоянного налогообложения была особо и не нужна. Почва для отмены подобного вида обложения была полностью готова. Но его не отменяли ещё долгие семь лет. Связано это было, по-видимому, с позицией Нгуен Куи Дыка и Данг Динь Тьонга, которым Чинь Кьонг был всем обязан. Эти два высокопоставленных чиновника, которые, как уже отмечалось, были «учителями и покровителями» Чинь Кьонга, судя по всему, справедливо опасались непредсказуемых последствий и негативной реакции населения. И то, что принятие окончательного решения по проведению реформы в 1719 г. по времени совпало с их выходом в отставку (соответственно в 1717 и 1718 гг.) и приходом к руководству страной (формально чуть позже, в 1720 г.) нового молодого поколения политиков во главе с Нгуен Конг Хангом (1680—1732) и Ле Ань Туаном (1671—1736), вряд ли можно считать случайным. Как бы то ни было, но в десятой луне 1719 г. соответствующий указ вышел:

«...При прежних правителях, испытывавших глубокое отвращение к древним установлениям об отборе в соответствии с надоевшими цифрами, установили уравнительные правила: прирост не учитывать, в случае уменьшения — не вычитать. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет. За это время население росло или уменьшалось неравномерно, однако изначальные нормы оставались такими же, как и ранее. Многим оказывается [несправедливое] предпочтение, [другие] покорно нищают. В связи с этим собрал придворных, чтобы обсудить замыслы, каким образом спасти людей и отнестись к ним бережно. Все сказали, что в отношении всех земель Поднебесной, не обращая внимания, частные они или общинные, надо провести инспекцию и обмер и установить нормы налогообложения, соотнеся их с количеством податных. Сделать это обычным правилом. Тем самым запасы у бедных и богатых станут одинаковыми, лёгкость и тяжесть [налогообложения] сравниваются. Сделать это навечно основополагающим постоянно действующим законом. Поскольку мнения всех совпали, это нужно произве-

¹ Здесь и далее страницы даются по изданию: *Ngô Cao Lãng. Lịch triều tạp kỷ. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 695 tr.*

сти. Следует понять, что осуществление этого закона лишь исправляет пороки нашего времени и основывается на неотложной необходимости, а вовсе не является стремлением к произвольным переменам, чтобы добиться заслуг вдвойне больше, чем у древних» [277—278].

Обращает на себя внимание тот факт, что ни этот указ Чинь Кыонга, ни документы, появлявшиеся до и после него, в отличие от аналогичных бумаг большинства его предшественников, не содержат обычные, пусть и лицемерные фразы о стремлении облегчить жизнь народа. Главную свою цель он определяет совершенно иначе: сделать так, чтобы налоги и повинности, даже оставаясь тяжёлыми и в отдельных случаях неподъёмными, были справедливо и равномерно распределены между всеми без исключения. Более того, в одном из своих разъяснений, которые последуют через некоторое время, он и вовсе раскрыл свои «людоедские» планы. По его замыслу, если раньше власти планировали свой бюджет, основываясь на количестве налоговых поступлений, то отныне сначала будут определены размеры государственных расходов, а потом в зависимости от них будет утверждён размер налогообложения.

Уже в следующем, 1720 г. чиновникам уездов было приказано вновь заняться обмером земель [279]. У них на руках уже были результаты землемерных работ, завершённых восемь лет назад, в том числе и в отношении частных земель, так что укрыть от них что-либо стало весьма затруднительно. В 1721 г. вышел указ с требованием этот процесс максимально ускорить [294—295].

Окончательно постоянное налогообложение можно было считать ликвидированным в 1722 г., когда был принят указ о поземельном налоге и сборе *диеу* [322—325]. 1722 г. был урожайным, видимо, поэтому именно тогда решили объявить о столь непопулярной реформе. В соответствии с указом отныне этим налогом облагались все земли общин, выявленные в ходе регулярных их обмеров и переделов, проводимых казёнными чиновниками. Общий размер собираемого с общины налога отныне не был неизменным, но варьировался в зависимости от конкретных результатов обмеров. Этим налогом облагались все угодья, включая частные и храмовые, а также наносные земли вдоль рек. Ставка налога на общинные земли (8 *тиенов* в год с 1 *мау*) была ниже, чем раньше (12 *тиенов* [III-268]), однако повальное обложение всех площадей с лихвой компенсировало государству это снижение. Для земель, с которых собирали два урожая, и особо плодородной пашни в абсолютном значении (8 *тиенов*) налог был таким же, однако если с обычных земель рисом собирали одну треть (остальную — деньгами), то для этой категории была установлена норма в две трети, что явно свидетельствует о том, что рис в качестве налога крестьянам приходилось сдавать по ценам (3 *тиена* за одну корзину) ниже рыночных.

С храмовых и им подобных других «посвящённых» земель (например, приписанных к учебным заведениям) поземельный налог платили точно в тех же размерах, но шёл он не в доход государства, а на содержание соответствующих заведений.

Этим указом вьетнамское государство чуть ли не впервые в своей истории официально признало наличие в рамках общин частных землевладений и обложило их прямым налогом (2 *тиена* с 1 *мау* для обычных и 3 *тиена* для плодород-

ных земель и земель двух урожаев). Кстати, для их владельцев это было, по-видимому, не только приемлемо, но и выгодно: отныне риск их безвозмездного изъятия как незаконных был минимальным, они становились привлекательным объектом для инвестиций и законным предметом купли-продажи. При этом под налогообложение попали не только подобные земли внутри общин, но и даже наследственные наделы высокопоставленных чиновников, что регулировалось отдельным документом, вышедшим в том же 1722 г. [325—326]. От налогов были освобождены лишь относительно небольшие объемы пахотных угодий в зависимости от ранга (для чиновников 1-го ранга — 25 *мау*, 9-го ранга — 5 *мау*), а с остальных земель было приказано платить налоги как с частных.

Особые разделы указа регулировали налогообложение наносных земель. Судя по всему, доход, который они приносили своим владельцам, был изрядный, даже превышавший доход от посевов риса. С одного *мау* подобных земель стали собирать налоги листьями шелковицы (в пересчете на деньги на 1 *куан* и 3 *тиена*) и овощами (в пересчете на деньги на 6 *тиенов*), т. е. существенно большие в денежном эквиваленте, чем с заливных полей. Там, где овощей не выращивали, первую часть можно было выплатить шёлковой тканью (в пересчете на деньги на 8 *тиенов*), а вторую — деньгами. А там, где не росла шелковица, всю сумму можно было выплатить деньгами. Следует отметить, что эти нормы также были ниже, чем существовавшие ранее (2 *куана* и 1 *тиен* с одного *мау* [344]).

Отказ от постоянного налогообложения коснулся и подушного налога. Если раньше его норма составляла 1 *куан* 8 *тиенов* и 2 монеты с одного полноправного податного в год, то теперь её уменьшили более чем на треть, до 1 *куана* и 2 *тиенов* [344], но было это не некое давно зафиксированное абстрактное число, не имевшее отношения к текущему реальному количеству общинников, а пластичная норма, опиравшаяся на данные регулярных переписей населения и изменявшаяся сначала каждые шесть лет, потом (с конца 1724 г.) [364] — каждые три года, наконец (с начала 1726 г.) [386—387] — ежегодно: в любом случае всё равно платить приходилось значительно больше.

В целом вполне прогрессивными и отвечающими требованиям времени являлись положения этого указа, касающегося сбора *диеу*, который заменял собой обязательные ежегодные общественные работы для всех тягловых крестьян. Впервые его введение в новом виде было провозглашено ещё осенью 1721 г. [299], но окончательно его конституировали всё в том же указе о земельном налогообложении [322—325]. Отныне вместо общественных работ каждый выплачивал в казну местной администрации 1 *куан* и 2 *тиена* денег (по 6 *тиенов* 2 раза в год) и четыре чашки неочищенного риса. В случае необходимости проведения каких-то работ на эти деньги нанимали все тех же общинников, которые их и проводили. Таким образом, те, кто не нуждался в подобном заработке, будучи вполне занятыми другими, более выгодными для них делами, могли эти работы проигнорировать. И наоборот, многочисленные «лишние люди», у которых не было возможности найти для себя подходящее занятие на полный трудовой день в рамках общины, подключались к этим работам и могли не только вернуть свой взнос, но и заработать себе дополнительно на жизнь (заработная плата составляла примерно один *тиен* в день на человека [351—352]). При этом качество произ-

водимых работ было неизмеримо выше, чем при подневольном бесплатном, фактически рабском труде по принуждению. В следующем 1723 г. по поводу сбора *диеу* вышло ещё несколько указов, специально ему посвящённых, где все его особенности были подробно разъяснены [333—334, 335—336, 337—338].

В любом случае льготное постоянное налогообложение в 1722 г. навсегда ушло в прошлое. Налоговая нагрузка на все виды общин существенно выросла, и к ней добавилось уже подзабытое регулярное невольное общение с вороватыми мелкими чиновниками с их требованиями денег в кормление, на «тушь и кисточки» и т. д. Следует отметить, что создание полноценной сети контор-*фиен*, дублировавших названиями министерства, напрямую было связано именно с этими реформами. Все служащие этих контор (а набрать их пришлось очень много) вне зависимости от формального названия (Финансов, Общественных работ, Чинов и даже Ритуалов) были непосредственно задействованы в налоговых процессах. Содержание этих контор тяжким бременем легло и на государственный бюджет, и на общины, так что выгоды от изменения фискальной системы оказались не столь уж и значительными. В любом случае вьетнамским обществом эта реформа была встречена без всякого энтузиазма. В результате Чинь Кьонгу уже в 1723 г. пришлось обратиться с многословным разъяснением всей «справедливости и полезности» принятых реформ, чтобы хоть как-то успокоить этим общество [340—342].

В следующем 1724 г. государству пришлось пойти на введение серьёзных льгот для общин в Тханьхоа и Нгеане, наиболее сильно затронутых изменениями в связи с реформой налогообложения, а также для постоянных жителей столицы. Подушный налог в Тханьхоа и Нгеане был полностью отменён, а поземельный налог с общинных и частных земель сокращён в два раза. При привлечении к общественным работам местные жители получали компенсацию в размере 6 *тиенов*. В столице поземельный налог был сокращён до 6 *тиенов* с 1 *мау* с общинных и 2 *тиенов* с частных земель, и его дозволялось полностью выплачивать деньгами, а не зерном. Уменьшены были здесь и нормы подушного налога (до 8 *тиенов* с человека) и сбора *диеу* (до 4 *тиенов*). При этом пришлые люди в столице (а их было большинство) освобождались от двойного налогообложения по этим налогам и могли платить их только по месту основного жительства [352].

Результаты реформы в целом сочли всё-таки положительными, и в конце того же 1724 г. аналогичные нововведения, касающиеся подушного, поземельного налогов, сбора *диеу* и рекрутской повинности, были распространены и на северные провинции за пределами Дельты («внешние округа-*чан*») [366]. Подробности этого в хрониках, к сожалению, освещены не были.

Параллельно с земельной реформой стали проводить и военную, которая также оказала колоссальное влияние на ситуацию во вьетнамской деревне и обществе в целом. Эти мероприятия мы уже попытались проанализировать ранее [Федорин 2024], поэтому здесь лишь отметим их главное содержание: роспуск постоянно действующих регулярных подразделений профессиональных военных, находившихся под командованием высокопоставленных военных чиновников в основном из числа родственников *тюа*, и замена их армией, набираемой из свободных общинников, содержать которых предлагалось всё тем же общинам за счет выделения дополнительных земельных паёв их семьям.

Последствия реформ

С введением новых форм налогообложения вместо постоянного, рекрутской повинности вместо участия в ополчении и резким увеличением численности чиновников, этим занимающихся, вновь пышным цветом расцвели злоупотребления общинной верхушки, о которых вроде бы успели забыть. И если укрыть деревенские пахотные земли, тщательно переписанные ещё в 1711 г., было сложно, то с подушным налогом и сбором *диеу* проблемы возникали очень часто. И дело было не столько в корысти и нечестности старост, сколько в том, что существенная часть общинников в силу тяжёлых обстоятельств регулярно пускалась в бега, их число в течение шести лет между переписями постоянно варьировалось, так что налоговая нагрузка на остающихся существенно и несправедливо возрастала. У местных предводителей возникал соблазн уже сразу при переписи не задекларировать часть тягловых, чтобы иметь хоть какую-то свободу действий. Вверху это немедленно отметили, и начиная с 1723 г. последовала череда указов о суровом наказании старост за эти налоговые преступления вплоть до пожизненной каторги в слоновниках [348—349]. Впоследствии к проблеме укрывательства податных пришлось возвращаться многократно [362, 366, 402—403], что лишний раз подчёркивает её постоянную актуальность.

Явно непродуманными оказались и пункты реформы, касающиеся наносных земель. Судя по всему, к их разработке и принятию привлекли чиновников, не слишком хорошо разбирающихся в этих вопросах. Как уже отмечалось выше, нормы обложения этих угодий являлись, пожалуй, самыми высокими из всех категорий, физические размеры их нередко были весьма велики, но утратить их по естественным причинам община могла в любое время. Одновременно в других общинах неожиданно появлялись угодья, полностью не попадавшие под фискальный учет. При наличии постоянного налогообложения, которое данные земли фактически не учитывало, это ещё как-то можно было компенсировать, но, когда соответствующие нормы сбора фиксировались по факту сроком на шесть лет, подобное развитие событий грозило общине настоящей налоговой катастрофой.

Чтобы как-то урегулировать возникшие проблемы, государство в 1724 г. перешло к переучёту намытых земель один раз в три года, а не в шесть лет, как раньше [362—364]. С 1726 г. вносить изменения в земельные реестры в зависимости от конкретной ситуации разрешили ежегодно [394]. Попытались даже обязать соседние общины (например, на противоположном берегу реки) отдавать свои вновь намытые земли тем, кто их утратил [362—364], что технически и практически осуществить было очень сложно. К этим вопросам приходилось возвращаться вновь и вновь [378, 419—420]. Чтобы как-то решить проблему наносных земель и вопросы судоходства, в 1727 г. пришлось создавать два специальных учреждения (отдельно для правого и левого берега Красной реки), которые ими занимались [420].

Недостатки вновь введённых налогов и рекрутской повинности стали очевидными практически сразу. Общины перестали справляться с возложенными на них обязательствами. Недоимки множились. Выплаты содержания военнослужа-

шим вновь набранных отрядов задерживались на долгие месяцы, что вызывало их недовольство. Уже в 3-й луне 1725 г. государство было вынуждено из собственных ресурсов выделить 100 тыс. *куанов* денег, чтобы хотя бы частично покрыть этот дефицит [367]. Ещё больше обострилась проблема бегства существенной части общинников, не справлявшихся с возложенными обязанностями, что заставило власти разрабатывать и внедрять специальные меры поддержки и стимулирования, с одной стороны, и репрессий — с другой, с целью добиться их возвращения [367—369, 379—380].

Копящиеся долги общин становились заведомо невозвратными, и их приходилось регулярно списывать [371, 399—400, 451—455]. Но и это помогало мало. Средств не хватало, и в 1727 г. налоги пришлось повысить. С общинных земель высшей категории (двух урожаев или высокой плодородности) стали брать 1 *куан* денег с 1 *мау*, в том числе две трети зерном (ранее соответственно 8 *тиенов* и две трети), с обычных — 8 *тиенов*, в том числе половину зерном (ранее соответственно 8 *тиенов* и одна треть), со скудных — 6 *тиенов*, в том числе одну треть зерном (ранее зерном с них не брали), с совсем малопригодных, требующих глубокого дренажа, — от 1 до 4 *тиенов*. Налог с частных земель и приравненных к ним храмовых и других «посвящённых» не изменился — от 2 до 3 *тиенов* в зависимости от их качества. Впрочем, стандартная стоимость одной корзины риса при определении налога увеличилась с 3 до 6 *тиенов*, что являлось фискальной уступкой [422—424]. Но и эти вполне ощутимые послабления к искомым результатам не привели: экономическое положение продолжало ухудшаться, недовольство во вьетнамской деревне продолжало расти. Платить налоги в заданном объёме не могли или не хотели, в связи с этим приходилась даже выходить со специальными указами-угрозами [437—438].

Заключение

Таким образом, в ходе реформ, проведённых правителем Чинь Кьонгом, ситуация в стране в целом и в сельскохозяйственных общинах в частности кардинально изменилась. Стремительный экономический рост конца XVII — начала XVIII в., подтверждённый анализом «эпиграфической активности» [Федорин 2006: 297—300], сменился застоём и даже падением. Напряжённость в обществе в связи с ухудшением положения не только самых бедных, но и в прошлом вполне зажиточных слоев резко обострилась. Негативное отношение к реформам во многом провоцировалось тем, что какой-то насущной потребности в них не было: государство и так жило в те годы неплохо и не нуждалось в дополнительных средствах для реализации каких-то мегапроектов или для ведения масштабных войн. Более того, в связи с резко выросшими расходами на налоговое администрирование, необходимостью содержать целую армию соответствующих чиновников, активным сопротивлением общин, выразившимся в массовом бегстве крестьян и в упорном уходе от налогов общинной верхушки, доходы государства, по-видимому, не так уж и сильно увеличились. Игра явно не стоила свеч.

Так же, как и два других активных реформатора во Вьетнаме (императоры Ле Тхань-тонг и *Минь-манг*), Чинь Кьонг, к счастью для себя, так и не увидел тех

тяжёлых негативных последствий, к которым привела его активная внутривнутриполитическая деятельность. Но указать на них, хотя бы кратко, по мнению автора, необходимо, чтобы картина стала полной. В конце 30-х годов XVIII в. Вьетнам буквально взорвался целым рядом восстаний по всей стране, прежде всего в левобережной части дельты Красной реки. Вновь созданная Чинь Кьонгом армия из подневольных рекрутов продемонстрировала свою полную неспособность им противостоять. Более того, существенная её часть перешла на сторону восставших, пополнивших таким образом свои ряды подготовленными и опытными солдатами во главе с командирами-северянами. Профессиональных провинциальных армий во главе с военачальниками из рода Чинь, которые, по-видимому, ещё как-то могли бы противостоять повстанцам, более не существовало. Столичная гвардия, которая и раньше не слишком утруждала себя участием в реальных боевых действиях, оказалась абсолютно несостоятельной и не готовой к такому повороту событий. Режим правителей-*тюа* из рода Чинь оказался на грани краха. Страна на десятилетия погрузилась в хаос гражданских войн.

Список литературы

- Новая история Вьетнама. М.: Наука, 1980. 719 с.
- Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. / рук. проекта Д.В. Деопик. М.: Вост. лит., 2002—2022.
- Рябинин А.Л.* Постоянное обложение в Северном Вьетнаме (Дангнгоае) во второй половине XVII — начале XVIII в. и Британской Индии в XIX в.: общее и особенное // *Oriental Courier*. 2022, № 4. С. 141—167. DOI: <https://doi.org/10.18254/S268684310023806-4>
- Федорин А.Л.* Военные реформы в Северном Вьетнаме в XVII—XVIII вв. и их влияние на боеспособность армии // *Восток (Oriens)*. 2024. № 2. С. 69—77. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080029999-5>
- Федорин А.Л.* «Золотой век» традиционного вьетнамского общества. «Постоянное налоговое обложение» второй половины XVII — начала XVIII в. // *Вьетнамские исследования*. 2023. Т. 7. № 4. С. 50—60. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2023.74-624973>
- Федорин А.Л.* Особенности вьетнамской эпиграфики. Периодизация истории Вьетнама XV—XVIII вв. на основании данных эпиграфики // *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. М.: Вост. лит., 2006. С. 266—310.
- Chúa Trịnh Cương. Cuộc đời và sự nghiệp. Kỷ yếu hội thảo khoa học [Правитель Чинь Кьонг. Жизнь и деятельность. Материалы научной конференции]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin, 2010. 605 tr. (На вьет. яз.)
- Ngô Cao Lãng.* Lịch triều tạp kỷ [*Нго Као Ланг. Разнообразные записи о прошлых династиях*]. Hà Nội: Nxb. Khoa học Xã hội, 1995. 695 tr. (На вьет. яз.)

References

- Chúa Trịnh Cương. Cuộc đời và sự nghiệp. Kỷ yếu hội thảo khoa học [Lord Trịnh Cương. Life and career. Proceedings of scientific conference] (2010). Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin. 605 tr. (In Vietnamese)

Fedorin, A.L. (2006). Osobennosti v'etnamskoj epigrafiki. Periodizaciya istorii V'etnama XV—XVIII vv. na osnovanii dannyh epigrafiki [Features of Vietnamese epigraphy. Periodization of the history of Vietnam in the 15th—18th centuries. based on epigraphy data], in: *Teoriya i metody issledovaniya vostochnoj epigrafiki* [Theory and methods of research of eastern epigraphy]. M: Vostochnaya literatura. S. 266—310. (In Russian)

Fedorin, A.L. (2023). «Golden Age» of Traditional Vietnamese Society. «Continuous Taxation» in the Second Half of the 17th — Beginning of the 18th Century. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (4): 50—60. DOI: <https://doi.org/10.54631/VS.2023.74-624973>. (In Russian)

Fedorin, A.L. (2024) Voennyye reformy v Severnom Vietname v XVII—XVIII vv. i ih vliyaniye na boyesposobnost armii [Reforms in North Vietnam in the 17th—18th Centuries and their Impact on the Combat Capability of the Army]. *Vostok (Oriens)*, 2: 69—77. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080029999-5>. (In Russian)

Ngô Cao Lãng. *Lịch triều tạp ký* [Ngo Cao Lang. *Various records of past dynasties*] (1995). Ha Noi: Nxb. Khoa hoc Xa hoi. 695 tr. (In Vietnamese)

Novaya istoriya Vietnama (1980) [A new history of Vietnam]. M.: Nauka. 719 c. (In Russian)

Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Dajvieta (Dajviet shy ki toan thy): v 8 t. Ruk. proekta D.V. Deopik. [Complete Annals of Dai Viet (Dai Viet su ki toan thu): in 8 volumes. Project director D.V. Deopik] (2002—2022). M.: Vostochnaya literatura (In Russian)

Ryabinin, A.L. (2022). Postoyannoe oblozhenie v Severnom Vietname (Dangngoae) vo vtoroj polovine XVII — nachale XVIII vv. i Britanskoj Indii v XIX v.: obshchee i osobennoe [Constant taxation in Northern Vietnam (Dang Ngoai) in the second half of the 17th — early 18th centuries and British India in the 19th century: general and special]. *Oriental Courier*, 4: 141—167. DOI: <https://doi.org/10.18254/S268684310023806-4>. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11.03.2024

Дата поступления в переработанном виде: 10.08.2024

Принята к печати: 11.09.2024

Received: March 11, 2024

Received in revised form: August 10, 2024

Accepted: September 11, 2024